

Д.Ф. Купер

**Собрание сочинений в 7
томах**

**Том 5. Историческая проза,
приключения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
К92

К92 **Купер Д.**
Собрание сочинений в 7 томах: Том 5. Историческая проза, приключения / Д. Ф. Купер – М.: Книга по Требованию, 2021. – 472 с.

ISBN 978-5-458-27960-4

В пятый том вошел роман «Следопыт, или На берегах Онтарио». Перевод Р. Гальпериной, Д. Каравкиной, В. Куреллы.

ISBN 978-5-458-27960-4

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА I

Душистый дерн укроет плоть,
Небесный свод — мой храм, господь!
В моем кадиле — ветры гор,
Мне мысль — молитва с давних пор.

Томас Мур,
«Священные песни»¹

Кто не знает, какое впечатление величия исходит от необъятного! Самые возвышенные, самые смелые мысли посещают поэта, когда он заглядывает в бездны неизмеримых просторов, и с особенной живостью ощущает он тогда собственное ничтожество. Не может оставаться безучастным тот, кто впервые зрит перед собой ширь океана, и даже в безбрежности ночи находит наш ум подобие величия, поражающего нас в грандиозных явлениях природы, всю мощь которых не в силах постигнуть наши чувства. Нечто близкое восторгу и благоговейному страху, этому порождению возвышенного, ощущали при взгляде на раскинувшийся перед ними пейзаж и четверо несхожих меж собой персонажей, коим довелось открыть наше повествование. Вчетвером — двое мужчин и две женщины — взобрались они на груду поваленных ветром деревьев, чтобы оглядеться по сторонам. Такие места и поныне зовутся в этих краях ветровалами. Вспоминая небесный свет в темные душные лесные трущобы, они образуют как бы оазисы в торжественных сумерках американских девственных лесов. Описываемый здесь ветровал находился на косогоре полого холма, и взору путника, взобравшегося на его верхушку, открывались широкие дали — нечаянная радость для странника,

¹ Стихотворные эпиграфы переведены Р. Сефом, за исключением особо оговоренных.

блуждающего в дебрях лесных. Небольшой клочок земли, но благодаря его расположению высоко на склоне холма, над уходящей книзу прогалиной, вид отсюда простирался много дальше, чем можно было предположить. Философы еще не установили природу стихий, производящих в лесу такие опустошения; некоторые ученые видят в этом разрушительное действие ветров, подобных тем, что образуют в океане смерчи, тогда как другие ищут причину во внезапных и сильных электрических флюидах; но самое явление достаточно всем знакомо. На кромке ветровала, о коем здесь идет речь, слепые стихии так нагромоздили дерево на дерево, что двое странников не только сами вскарабкались на высоту в тридцать футов, но и увлекли за собою — где уговорами, а где и вовремя оказанной помощью — обеих своих спутниц. Огромные стволы, сломанные и раскиданные как попало мощными порывами ветра, лежали навалом, словно бирюльки, меж тем как их ветви, все еще благоухающие увядшей листвой, переплетались, давая рукам надежную опору. Один вывороченный из земли великан торчал мощным копьем кверху, и на его разлапых корнях сохранился толстый слой земли, который и послужил своего рода удобными мостками для наших четверых путников, озиравших окрестность.

Пусть читатель не ждет здесь от меня описания людей из высших слоев общества. Это были всего лишь странники, блуждающие в дебрях лесных; но, даже отвлекаясь от этого, надо сказать, что ни обычный их жизненный уклад, ни положение в свете не приобщили их к преимуществам избранного круга. Двое — мужчина и женщина — были местные уроженцы, исконные хозяева этой земли, ибо они принадлежали к небезызвестному индейскому племени тускаров; что же касается их спутников, то мужчина, судя по его внешнему виду, всю жизнь скитался по морям, и лишь в качестве простого матроса, да и сопровождающая его девушка вышла из той же непрятательной среды, однако юность и миловидность, а также скромные и живые манеры придавали ее облику тот отпечаток ума и душевного изящества, который сообщает прекрасному полу двойное очарование. Вот и сейчас ее выразительные голубые глаза светились восторгом, а милое лицико подернулось той легкой задумчивостью, какую вызывают в одаренных натурах

сильные ощущения — даже в тех случаях, когда они приносят нам одну лишь незатуманенную радость.

И в самом деле, кто бы мог оставаться равнодушным к картинам окружающей природы? К западу, в том направлении, куда были обращены лица путников и где, собственно, и открывались необъятные дали, взор блуждал по лиственному океану, отливающему всеми оттенками зелени представленной здесь роскошной растительности и расцвеченному богатейшей гаммой красок, столь обычных для сорок второго градуса широты. Вяз со своей изящной плакучей кроной, все многочисленные разновидности клена, а также благородные породы американского дуба и широколистная липа, известная в местном просторечии под именем мочальницы, — все эти деревья, переплетаясь верхними сучьями, образовали как бы необозримый лиственый шатер, простирающийся в сторону заходящего солнца и теряющийся в облачах на горизонте, подобно тому как волны морские сливаются с небесной синевой у основания небосвода. Тут и там небольшой просвет между лесными исполинами, образовавшийся либо по кипизу природы, либо по воле бушующих стихий, позволял какому-нибудь дереву не столь мощной осанки пробиться к солнцу и вознести свою скромную вершину чуть ли не на уровень зеленого полога. К таким деревьям принадлежали береска — немаловажная особа в менее благословенных местах, трепетная осина, различные виды орешника, а также другие представители меньшой лесной братии; они оказались чем-то вроде худородных, невзрачных гостей, затесавшихся в общество родовитых и знатных вельмож. Тут и там стройный гладкий ствол сосны, прорвав этот полог, высоко возвосил над ним свою главу, словно изящный обелиск, искусно воздвигнутый над лиственным дном.

Бескрайние просторы и почти безупречная гладь зеленого океана и создавали здесь впечатление величия. И без того нежная игра красок, приглушенная переливами светотени, рождала ощущение совершенной красоты, тогда как торжественное спокойствие природы настраивало чувства на благовейный лад.

— Дядюшка, — вскричала приятно изумленная девушка, обращаясь к старшему спутнику, за локоть которого она почти неощутимо держалась, очевидно не дове-

ряя достаточно крепкой, но несколько шаткой опоре под ногами,— разве это не похоже на ваш любимый океан?

— Вздор и детские фантазии, Магни! — Так дядюшка в шутку называл племянницу; воздавая дань ее девичьей привлекательности, он образовал это имя от слова «магнит».— Только ребенку придет в голову сравнивать какую-то пригоршню листьев с Атлантическим океаном. Все эти маковки деревьев, если их собрать в охапку, сгодятся разве что на скромный букетик, чтобы украсить грудь Нептуна.

— Хорошо сказано, дядюшка, но вы, кажется, хватили через край. Здесь на мили и мили кругом нет ничего, кроме листьев. А что особенного в вашем океане?

— Сравнила! — рассердился дядюшка, нетерпеливо выдергивая у нее свой локоть, ибо руки он глубоко засунул в карманы красного суконного камзола, какие были в ходу у тогдашних модников.— Что за сравнение, Магни! Ну где, скажи, тут пенистые волны? Где голубая вода, и соленые брызги, и буруны, и опять же — где киты, и свирепые тайфуны, и непрерывное бултыканье волн на этом несчастном клочке леса, дитя мое?

— А найдете вы на море эти зеленые султаны деревьев, благословенную тишину и пьянящий запах листьев и все это зеленое очарование? Найдете вы что-либо подобное на море, дядюшка?

— Вздор, Магни! Кабы ты хоть что-нибудь смыслила, ты знала бы, что зеленая вода — проклятье для матроса! Все равно что зеленый новичок на вахте.

— Но при чем же тут зеленые деревья? Чш-ш-ш! Слышиште? Это ветерок дышит в листве.

— Уж если тебе нравится ветер, девочка, послушала бы ты, как воет в снастях норд-вест! А где у вас тут штормы и ураганы, где муссоны и пассаты в этой богоспасаемой лесной стороне? Я уж не говорю про рыбу, — ее здесь и в помине нет.

— Что ж, здесь тоже бывают нешуточные бури, это видно с первого взгляда. А лесные звери — разве их сравнить с рыбами!

— Это как сказать, — заявил дядюшка с непрекаемой авторитетностью бывалого матроса.— Чего нам не порассказали в Олбани про хищных зверей и что будто мы с ними столкнемся, а ведь нам не попалось ничего такого, что испугало бы даже тюленя. Я так по-

лагаю, что никакие дикие звери не могут сравниться с акулой южных широт.

— Посмотрите-ка, дядюшка! — воскликнула племянница, которую больше занимала величественная красота бескрайнего леса, чем доводы ее почтенного родственника.— Вон там, над верхушками деревьев, вьется легкий дымок. Неужто здесь люди живут?

— А ведь верно! — подтвердил старый моряк.— Дым говорит о присутствии людей, а это стоит тысячи деревьев. Надо показать его Развящей Стреле — с такого дикаря еще станется: проскочит мимо гавани, так ее и не заметив. Там, где дымок, должен быть и камбуз.

И дядюшка, вынув руку из кармана, тронул стоявшего рядом индейца за плечо и показал ему на чуть заметный виток дыма, который вырывался из лесной чащи примерно за милю от них и, расплываясь почти невидимыми струйками, бесследно исчезал в дрожащем воздухе.

Тускарора был одним из тех внушительного вида воинов, которые чаще встречались среди коренного населения страны в прошлом веке, нежели в нынешнем; он достаточно терся среди колонистов, чтобы познакомиться с их обычаями и даже языком, но почти не утратил первобытной величавости и естественного достоинства, присущих вождям индейского племени. К старому моряку он относился дружелюбно, но с заметной сдержанностью, ибо индеец, встречавшийся с офицерами на военных постах, где бывал частым гостем, не мог не понимать, что перед ним лицо подначальное. От невозмутимой замкнутости тускароры веяло таким сознанием своего достоинства, что Чарльз Кэп — ибо так звали нашего моряка — не решался даже в минуты безудержного бахвальства обращаться с индейцем запанибрата, хоть их путешествие длилось уже больше недели. Но сейчас этот дымок, курившийся над лесной глухоманью, так же взволновал моряка, как, бывало, внезапное появление паруса в море, и впервые за время их знакомства он отважился тронуть индейца за плечо.

Зоркий глаз тускароры сразу же различил в воздухе колечки дыма. С минуту он стоял, слегка привстав на носки и раздувая ноздри — точь-в-точь олень, почуявший в воздухе смутную угрозу,— и вперив в пространство недвижный взгляд, словно ученый пойнтер, жду-

ший хазайского выстрела. Потом, опустившись на пятки, издал чуть слышное восклицание, столь же характерное для индейца, как и его воинственные вопли; больше он ничем не выдал своего волнения. Лицо его сохраняло неподвижность маски, и только быстрые черные орлиные глаза внимательно обшаривали лиственную панораму, точно стараясь не упустить ничего заслуживающего внимания. И дядя и племянница понимали всю опасность предпринятого ими путешествия по нехоженым, диким местам, но ни он, ни она не могли судить, добро или зло вещает им эта неожиданная близость человека.

— Где-то здесь охотятся онеиды или тускароры, Разящая Стрела, — сказал Кэп, называя своего спутника-индейца его английским именем. — Неплохо бы к ним присоединиться. Эх, соснуть бы ночку на удобной койке!

— Вигвам нет, — ответил Разящая Стрела с обычной невозмутимостью. — Слишком много дерева.

— Но должны же здесь быть индейцы. Может, кто из ваших старых земляков, мастер Разящая Стрела?

— Не тускарора, не онеида, не мохок — бледнолицый!

— Черта с два! Ну, знаешь, Магни, такое даже моряку не сморозить. Мы, старые морские волки, носом отличаем дух матросского табачка от солдатской люльки или логово неопытного новичка от койки заправского матроса; но даже старейшему адмиралу во флоте его величества не отличить по дыму из камбуза королевское судно от простого угольщика.

Мысль, что где-то по соседству в этой глухи находятся человеческие существа, взволновала его прелестную спутницу; румянец еще живей заиграл на ее свежих щечках и глаза заблестели; но и она растерянно повернулась к своему родичу и сказала нерешительно (обоим им не раз приходилось дивиться необыкновенным познаниям тускароры, его, можно сказать, вещему инстинкту):

— Огонь бледнолицего! Но он не может этого знать, дядюшка!

— Десять дней назад, дорогая, я бы в этом поклялся, а сейчас уже не поручусь. А дозвольте вас спросить, Разящая Стрела, с чего вы взяли, будто это дым бледнолицего, а не краснокожего?

— Сырой дрова,— ответил воин наставительно, словно учитель, объясняющий арифметическую задачу бестолковому ученику.— Много сырость — дым большой; много вода — дым черный.

— Но разрешите заметить, мастер Развящая Стрела, дым ничуть не черный и совсем его даже не много. На мой взгляд, к примеру сказать, это такой же легкий кудрявый дымок, какой вьется над капитанским чайником, когда за неимением ничего другого кипятишь его на старой стружке, которой устилают трюм.

— Много вода,— повторил индеец, выразительно кивая головой.— Тускарора хитрый — не разводи огонь из вода. Бледнолицый слишком читай книга, он что хочешь жги. Много книга, ничего не знай.

— Что ж, это он правильно сказал, я с ним согласен,—подтвердил Кэп, не видевший в учености большого проку.— Он в тебя метит, Магни, в твои книжки. Вождь по-своему неглупый малый... А далеко ли еще, Развящая Стрела, по вашим расчетам, до этой лужицы, под названием Великое Озеро? Мы уже который день к ней пробираемся, а все конца не видно!

Тускарора посмотрел на моряка с видом спокойного превосходства.

— Онтарио что небо,— сказал он,— одно солнце, и великий путешественник его увидай.

— Что ж, я и есть великий путешественник, не стану отпираться, но из всех моих путешествий это самое нудное и бестолковое. И добро бы оно к морю вело, а ведь мы в обратную сторону плетемся. Нет, ежели бы эта шайка пресной воды была под самым нашим боком да так она велика — уж пара зорких глаз должна бы ее увидеть, ведь с этого наблюдательного пункта видимость на добрых тридцать миль.

— Гляди,— сказал Развящая Стрела, с величавой грацией простирая вперед руку,— Онтарио!

— Дядюшка! Вас научили кричать: «Земля!», а не «Вода!» — вот вы ее и не замечаете! — воскликнула племянница, смеясь, как смеются школьницы своим задорным шуткам.

— Полно, Магни! Неужто бы я не узнал свою родную стихию, если бы приметил ее на горизонте?

— Так ведь Онтарио не ваша стихия, дядюшка, вас тянет на соленую воду, а это пресная.

— Я же тебе не какой-нибудь молокосос юнга, а старый закаленный моряк! Я узнаю воду, даже если увижу ее в Китае!

— Онтарио! — горделиво повторил Развящая Стрела, опять показывая рукой на северо-восток.

Кэп впервые за время их знакомства посмотрел на тускарору с легким презрением, однако проследил взглядом за рукой и глазами индейца, устремленными на то, что казалось лишь клочком пустого неба, чуть повыше лиственной равнины.

— Вот-вот, этого-то я и ожидал, когда уходил с побережья на поиски какой-то пресноводной лужи! — снова заворчал Кэп, пожимая плечами, словно человек, окончательно пришедший к какому-то выводу и не желающий тратить слова попусту. — Возможно, это и есть Онтарио, но оно с таким же успехом уместилось бы у меня в кармане. Надеюсь, когда мы до него доберемся, нам можно будет развернуться там на нашей лодке... Однако, Развящая Стрела, если где-то рядом есть бледнолицые, не мешало бы нам с ними повидаться.

Тускарора в знак согласия низко склонил голову, и весь отряд начал спускаться с корней поваленного дерева. Едва спрыгнув наземь, Развящая Стрела сказал, что отправится к огню и выяснит, кто его зажег, а жене и остальным своим спутникам посоветовал вернуться к лодке, которую они оставили на соседней реке, и там его подождать.

— Ну нет, вождь, это бы еще годилось при промере глубины или на небольшой прогулке по взморью, — возразил старый Кэп, — в неизвестной же местности страшновато отпускать лоцмана так далеко от корабля. С вашего позволения, я пойду с вами.

— Чего хочет брат мой? — спросил индеец степенно, нисколько не обижаясь на столь ясно высказанное недоверие.

— Не расставаться с вами, Развящая Стрела, только и всего! Я пойду с вами и переговорю с незнакомцами.

Тускарора не стал возражать, но тем наставительнее приказал вернуться к лодке своей покорной и терпеливой жене, только изредка решавшейся вскидывать на него свои большие черные глаза, в которых читались уважение, и страх, и любовь, преданная и нежная.

Но тут запротестовала Магни. Отважная и решительная в минуты невзгод и испытаний, она все же была женщина, и мысль оставаться одной, без защитников, в этой дикой пустыне, всю необъятность которой она только что измерила глазами, показалась ей такой страшной, что она выразила желание пойти с дядей.

— Прогулка будет мне только полезна, достаточно я насидалась в лодке,— уверяла она, и ее лицо, побледневшее было от испуга, как она ни крепилась, чтобы скрыть свое волнение, снова расцвело румянцем.— Среди этих людей, возможно, есть и женщины.

— Что ж, не возражаю, пойдем. Это всего в каком-нибудь кабельтова¹ отсюда. Мы вернемся еще за добрый час до захода солнца.

Обрадованная девушка, чье настоящее имя было Мэйбл Дунхем, присоединилась к мужчинам, тогда как Июньская Роза — ибо так звали жену Разящей Стрелы — покорно побрела к реке; она так привыкла к повиновению и лесному сумраку, что совсем не испытывала страха.

Трое остальных, осторожно выбравшись из бурелома, вышли на опушку и направились в ту сторону, где курился дымок. Разящей Стреле достаточно было посмотреть разок-другой, чтобы выбрать нужное направление, тогда как старик Кэп долго и обстоятельно сверялся с карманным компасом, прежде чем углубиться в лесную чащу.

— Плыть, доверившись собственному носу, может, и годится для индейца, Магни, но наш брат, опытный моряк, знает цену этой стрелке,— говорил дядюшка, идя по следам легко ступающего тускаоры.— Америку бы вовек не открыли, поверь, если бы Колумб полагался только на свой нюх. Что, дружище Разящая Стрела, приходилось тебе видеть такую штуковину?

Индеец обернулся, мельком взглянул на компас, который Кэп держал перед собой, словно проверяя по нему курс, и ответил с обычной серьезностью:

— Глаз бледнолицый. Тускаора довольно голова. А теперь, Солнечный Вода,— так индеец величал своего спутника,— нет языка, пусть будет один глаз.

— Он говорит, дядюшка, что нам следует помалки-

¹ Кабельтов — морская мера длины, равная 185,2 метра.

ваться; опасается, должно быть, людей, с которыми нам предстоит встретиться.

— Индеец всегда осторожен, когда идет в дозор. Ты заметила, как он осмотрел затравку у своего ружья? Не мешает и мне проверить пистолеты.

Спокойно отнесясь к этим приготовлениям, ибо она привыкла к ним за долгое странствование в лесной глухи, Мэйбл шла быстрым, упругим шагом, не уступающим легкостью походке индейца, следя по пятам обоих мужчин. Первые полмили странники ограничивались молчанием, но дальнейший их путь потребовал новых мер предосторожности.

В лесу, как обычно под густым навесом ветвей, глаз видел только высокие стволы деревьев. Все живое здесь было устремлено к солнцу, и они шли под лиственным шатром, словно под естественными сводами, опиравшимися на мириады неотесанных колонн. Но за каждой такой колонной или деревом мог притаиться недобрый человек, охотник, а то и враг, и, по мере того как Разящая Стрела быстро подвигалася туда, где, как подсказывало ему безошибочное чутье, должны были находиться люди, поступь его становилась все неслышнее, глаза все зорче пронизывали лесной сумрак, и он все осторожнее жался к деревьям.

— Гляди, Соленый Вода! — прошептал он с торжеством, указывая пальцем куда-то в глубь леса. — Огонь бледнолицый.

— Клянусь богом, — пробормотал Кэп, — индеец прав! Вон они сидят себе за жратвой, да так спокойно, словно это не лесная трущоба, а каюта трехпалубного корабля.

— Разящая Стрела только отчасти прав, — шепнула ему Мэйбл. — Там два индейца и один белый.

— Бледнолицый, — повторил Разящая Стрела и поднял вверх два пальца. — Краснокожий, — и поднял один палец.

— Отсюда не разберешь, — рассудил Кэп, — кто из вас прав. Один из них наверняка белый, и какой же он приятный малый! Сразу скажешь, что из порядочных, да и из себя молодец, не какой-нибудь увалень; другой, видать, краснокожий — и от природы и оттого, что краски на себя не пожалел; зато уж третий — ни два ни полтора, ни бриг ни шхуна.